

Роман издан в 45 странах на 42 языках

ДЖОН БОЙН

МАЛЬЧИК В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ

Маленький шедевр [The Guardian]

Джон Бойн
Мальчик в полосатой пижаме

Посвящается Джейми Линчу

Все права защищены. Воспроизведение в любой форме, в том числе на интернет-ресурсах, а также электронное копирование для частного или публичного использования возможно только с разрешения владельцев авторских прав.

Благодарности

За добрые советы и замечания, которые мне очень помогли не сбиться с курса, огромное спасибо Дэвиду Фиклингу, Белле Пирсон и Линде Сарджент. А за то, что я благополучно добрался до финала, благодарю, как всегда, моего агента Саймона Тревина.

Я также многим обязан моему старому другу Джанетт Дженкинс: прочитав черновик, она поддерживала и вдохновляла меня, пока книга не была готова.

Глава первая

Бруно совершает открытие

Как-то днем, придя из школы, Бруно очень удивился, застав у себя в спальне Марию, горничную (она всегда ходила потупившись, не отрывая глаз от ковров и половиц). Главное же, Мария не просто забрела в комнату Бруно – она там распорядилась: вытаскивала из шкафа его вещи и укладывала в четыре деревянных сундука. Вынимала даже то, что было спрятано в самой глубине шкафа и к чему никто не смел прикасаться.

– Что ты делаешь? – Бруно постарался, насколько это было в его силах, чтобы вопрос прозвучал вежливо. Понятно, он не обрадовался, увидев по возвращении домой, что кто-то роется в его шкафу, но мама всегда говорила, что с Марией он должен обращаться уважительно, а не так, как папа это делает. – Не тронь мои вещи!

Вместо ответа Мария кивком головы указала на лестницу, где как раз появилась мать Бруно. Это была высокая женщина с длинными рыжими волосами, которые она скручивала на затылке и убирала в нечто вроде сетки. Мать нервно потирала руки – верный признак того, что она предпочла бы избежать расспросов. Либо ее что-то не устраивало.

– Мама, – Бруно решительно двинулся ей навстречу, – что происходит? Почему Мария перетряхивает мои вещи?

– Она их пакует, – ответила мама.

– Пакует?

Бруно быстренько перебрал в уме события последних нескольких дней: может, он вел себя как-нибудь особенно плохо или произнес вслух слова, которые ему запрещено произносить, и за это его отсылают из дома? Но ничего не смог припомнить. Наоборот,

последние несколько дней он вел себя лучше некуда по отношению ко всем без исключения и ни разу не вышел из берегов.

– Но почему? – спросил Бруно. – Что я сделал?

Мама остановилась на пороге своей спальни, где дворецкий Ларс занимался тем же самым – упаковывал вещи. Вздохнув, мама всплеснула руками и повернула обратно к лестнице. Бруно преследовал ее по пятам, от него так легко не отделаются, пусть ему сначала все разъяснят.

– Что случилось? Мы переезжаем? – сыпал вопросами Бруно.

– Ступай со мной вниз, – поманила его мама, направляясь в столовую – просторную залу, где неделю назад обедал Фурор. – Там поговорим.

Бруно сбежал по лестнице, обогнав мать; в столовой ему даже пришлось дожидаться, пока она подойдет. А когда мама вошла, сперва он молча разглядывал ее, отмечая про себя, что сегодня утром она, должно быть, не напудрилась, потому что веки у нее краснее обычного. Такая краснота вокруг глаз случалась и у Бруно, когда он выходил из берегов или попадал в беду, что, как правило, заканчивалось слезами.

– Послушай, Бруно, тебе не о чем беспокоиться, – сказала мама, усаживаясь в кресло, в котором неделю назад сидела красивая блондинка, приходившая с Фурором на обед; она еще помахала Бруно, прежде чем папа закрыл двери. – В любом случае, тебя ждет увлекательное приключение.

– Что? Значит, меня все-таки отсылают из дома?

– Не торопись с выводами. (Бруно показалось, что мама чуть было не улыбнулась, но передумала.) Мы все покидаем этот дом. Папа, я, Гретель и ты. Все вчетвером.

Услышанное восторга у Бруно не вызвало. Гретель может катиться на все четыре стороны, ему до лампочки, его сестра – безнадежный случай, и от нее только одни неприятности. Но разве справедливо, что они все обязаны ехать вместе с ней?

– Куда? – хмуро спросил он. – Куда мы едем? Почему мы не можем остаться здесь?

– Это связано с работой твоего отца, – объяснила мама. – Ты ведь знаешь, как это важно, верно?

Бруно кивнул. Еще бы ему не знать. В дом постоянно заходили множество людей, самых разных: мужчины в потрясающей форме, женщины с пишмашинками (Бруно от пишущих машинок неизменно отгоняли, ссылаясь на его «грязные лапы») – и все эти люди были очень, очень вежливы с папой. Шушукаясь меж собой, они говорили, что этот человек далеко пойдет, у Фурора на его счет большие планы.

– А когда кто-нибудь становится очень важным, – продолжала мама, – бывает, что начальник назначает его на особую работу в другом городе, куда не всякого пошлешь.

– А что за работа? – полюбопытствовал Бруно. Если быть честным с самим собой – к чему он всегда стремился, – Бруно не очень-то понимал, чем занимается его отец.

Однажды в школе они разговорились об отцах. Карл сказал, что его папа зеленщик, и Бруно знал, что это чистая правда, потому что отец Карла держал зеленую лавку в центре города. Даниэль сказал, что его папа учитель, что тоже было правдой, потому что отец Даниэля учил старшеклассников, от которых лучше было держаться подальше. А Мартин сказал, что его папа повар, о чем Бруно опять-таки знал наверняка, потому что, когда отец забирал Мартина после уроков, на нем всегда была белая спецовка и клеенчатый фартук, будто он прибежал в школу прямо от плиты.

Но когда спросили Бруно, кем работает его отец, он открыл было рот, но вдруг сообразил, что и сам не знает. Единственное, что он мог сказать, это то, что его отец далеко пойдет и у Фурора на его счет большие планы.

– Очень серьезная работа, – ответила мама после небольшой заминки. – Для выполнения которой требуется особый человек. Думаю, ты способен это понять.

- И нам всем надо уезжать? – не поверил Бруно.
- Ну разумеется. Ты ведь не хочешь, чтобы папа поехал на новую работу один и грустил там без нас?
- Наверное, нет.
- Папа по нам будет ужасно скучать.
- А по кому он будет больше скучать? – встрепенулся Бруно. – По мне или по Гретель?
- По обоим одинаково.

Мама полагала, что в семье не должно быть любимчиков, и Бруно уважал ее мнение, тем более что ему было доподлинно известно: мама любит его сильнее, чем Гретель.

- А что будет с нашим домом? – спросил Бруно. – Кто о нем станет заботиться, когда мы уедем?

Мама вздохнула и огляделась с таким видом, будто уже не надеялась снова увидеть эту комнату. Дом был очень красивым, в пять этажей, если считать подвал – где повариха готовила еду на всех, а Мария с Ларсом ругались, сидя за столом и обзывая друг друга словами, которые Бруно запрещалось произносить вслух, – и если считать крохотную комнатку на самом верху со скошенным оконцем, откуда Бруно, встав на цыпочки и крепко держась за раму, мог увидеть весь Берлин.

- Дом мы запрем, – сказала мама. – Но мы ведь сюда когда-нибудь вернемся.

- А куда денется повариха? – не унимался Бруно. – И Ларс? И Мария? Разве они не останутся здесь жить?

– Они едут с нами. – Мама положила ладонь на стол. – На сегодня вопросов достаточно. Пожалуй, тебе стоит пойти наверх и помочь Марии укладывать вещи.

Бруно поднялся, но с места не сдвинулся. Ему было необходимо спросить еще кое о чем, прежде чем он решит, что ситуация более или менее прояснилась.

- А далеко это? Ну, папина работа? Дальше чем в километре отсюда?

– О боже, – рассмеялась мама. Правда, смех ее был каким-то странным, веселой она не выглядела и даже отвернулась, словно не хотела, чтобы он видел ее лицо. – Да, Бруно, это дальше чем в километре отсюда. Намного дальше, доложу я тебе.

Глаза Бруно расширились, рот сложился буквой О, а руки сами собой раздвинулись в стороны, как всегда, когда он был чем-то изумлен.

– Неужто мы уезжаем из Берлина? – задыхаясь, выговорил он.

Мама печально кивнула:

– Боюсь, что так. Работа твоего папы...

– А как же школа? – перебил Бруно. Он знал, что в разговоре никого нельзя перебивать, но догадывался, что на сей раз его простят. – И Карл, Даниэль, Мартин? Как они узнают, где меня искать, когда мы захотим встретиться?

– С ними придется попрощаться... Впрочем, я уверена, что пройдет немного времени – и вы опять будете вместе. И пожалуйста, никогда не перебивай меня, – не преминула напомнить мама. Мол, сколь бы странными и неприятными ни были грядущие перемены, это еще не повод нарушать правила вежливости, которым обучали Бруно.

– Прощаться? – Мальчик уставился на мать. – Прощаться? – повторил он, выплевывая слово, будто его рот был набит печеньем, разжеванным на мельчайшие кусочки, но пока не проглоченным. – Сказать «прощай» Карлу, Даниэлю и Мартину? – Голос его уже смахивал на крик, а кричать ему дозволялось только на улице. – Но они мои лучшие друзья, верные и на всю жизнь!

– О, заведешь новых, – небрежно обронила мама, словно найти трех верных друзей на всю жизнь – пара пустяков.

– Но мы собирались кое-что сделать, – упрямылся Бруно.

– Собирались? Сделать? – Мама приподняла бровь. – Что же именно?

– Это тайна.

Бруно не мог раскрыть сути их планов, тем более что выход из берегов в них присутствовал. Мальчики предвкушали, как через месяц их распустят на летние каникулы и тогда у них появится уйма времени не только строить смелые планы, но и осуществить их.

– Прости, Бруно, твои замыслы придется отложить. У нас нет другого выхода.

– Но, мама!..

– Хватит, Бруно. – Мама резко встала, давая понять, что возражений более не потерпит. – Вспомни, только на прошлой неделе ты жаловался, что здесь с некоторых пор многое изменилось.

– Да, мне не нравится, когда по ночам приходится выключать свет во всем доме, – признал он.

– Теперь все так делают. Ради безопасности. И кто знает, возможно, там, куда мы едем, будет спокойнее. А теперь иди наверх и помоги Марии. На сборы у нас меньше времени, чем мне хотелось бы. Скажи за это кое-кому спасибо.

Бруно уныло поплелся прочь. Он знал, что на языке взрослых «кое-кто» означает «папа», но Бруно так выразиться запрещалось.

По лестнице он поднимался медленно, опираясь на перила и пытаясь угадать, имеются ли в новом доме на новом месте, где у отца новая работа, перила, по которым так же здорово съезжать вниз. Здешние перила тянулись от самого верха – от крохотной комнатухи, откуда Бруно, стоя на цыпочках и крепко держась за оконную раму, обзирал Берлин, – и до первого этажа, заканчиваясь прямо перед огромными дубовыми дверьми столовой. Бруно ничего так не любил, как взгромоздиться на перила на верхнем этаже и скользнуть вниз, сквозь весь дом, громко ухая по пути.

С верхнего этажа на следующий, где находилась комната мамы и папы и просторная ванная, куда ему заходить не разрешалось.

Потом на этаж ниже, где была его комната, комната Гретель и ванная поменьше, которой, напротив, ему следовало пользоваться чаще, чем это было на самом деле.

Потом на первый этаж, где, спрыгивая с перил, он должен был непременно приземлиться на обе ноги, а если чуть-чуть пошатнется, надо начинать все сначала.

Лучшее, что было в этом доме, – перила... Ну, еще то, что бабушка с дедушкой живут поблизости, и когда Бруно вспомнил о них, он задумался: едут ли они тоже на новую работу папы? – и решил, что едут, ведь нельзя же бросить их одних. Вот о Гретель никто печалиться не стал бы, ведь она – безнадежный случай, и Бруно было бы много легче, если бы сестра осталась приглядывать за домом. Но бабушка с дедушкой... Нет, это совсем другое дело.

К себе Бруно зашел не сразу. Сначала он посмотрел вниз, на первый этаж, и увидел, как мама входит в папин кабинет – куда доступ ему «воспрещен в любое время суток и заруби себе на носу». Он услышал, как мама что-то громко говорит отцу, а тот отвечает еще громче, и на этом их беседа обрывается. Потом мама закрывает дверь в кабинет, и Бруно уже ничего не слышит; тогда ему приходит в голову, что неплохо бы пойти к себе и заняться сборами, иначе Мария повытаскивает из шкафа все без разбору, даже то, что запрятано в самой глубине и к чему никто не смеет прикасаться.

Глава вторая

Новый дом

Впервые увидев их новый дом, Бруно вытаращил глаза. Рот его сложился буквой О, а руки сами собой раздвинулись в стороны. Все в этом доме выглядело полной противоположностью их старому дому, и Бруно не мог поверить, что они в самом деле намерены здесь жить.

Дом в Берлине стоял на тихой улице в ряду с десятком других таких же больших и красивых домов, очень похожих на тот, в котором жил Бруно, если не обращать внимания на мелкие различия. И в этих домах тоже жили мальчики, Бруно знал их всех по именам. С одними, настроенными по-дружески, он играл; от других, от которых не приходилось ждать ничего хорошего, держался в стороне. Новый же дом стоял сам по себе, на пустом ровном месте, и иных домов вокруг не наблюдалось, а значит, никто тут поблизости не живет и не с кем будет играть, – ни друзей, ни врагов, никого.

Дом в Берлине был большим, и хотя Бруно прожил в нем девять лет, там все еще хватало закутков и разных укромных местечек, которые Бруно не успел хорошенько исследовать. Существовали даже целые комнаты – к примеру, кабинет отца, – куда путь ему был заказан «в любое время суток и заруби себе на носу» и куда он почти не заглядывал. В новом же доме насчитывалось всего три этажа: верхний с тремя спальнями и всего лишь одной ванной, нижний с кухней, столовой и новым кабинетом отца (куда, как предполагал Бруно, доступ столь же ограничен, как и в прежний) и подвал, где спала прислуга.

Вокруг берлинского дома пролегали улицы с высокими домами, и если идти по направлению к центру, всюду натыкаешься на прохожих; они останавливаются, чтобы поболтать друг с другом, или

торопятся прочь, объясняя на ходу, что у них нет времени на разговоры, только не сегодня, когда у них столько дел. Там были магазины с яркими витринами, а также овощные и фруктовые лотки с горками моркови, свеклы, цветной капусты и кукурузы. Другие лотки ломались от грибов и лука-порея, репы и спаржи; третьи были завалены салатом и зеленой фасолью, кабачками и пастернаком. Бруно любил встать напротив лоточного ряда, закрыть глаза и вдыхать ароматы, чувствуя, как начинает кружиться голова от смешанных сладковатых запахов, запахов свежести и жизни. А возле их нового дома не пролегалo ни одной улицы, никто не прохаживался по тротуару и никуда не спешил; магазинов, а также фруктовых и овощных лотков тоже определенно не было. Когда Бруно закрыл глаза, он ощутил лишь пустоту и холод, словно оказался в самом неудобном месте на свете. Затерянный мир, да и только.

В Берлине на улицах стояли столики. Когда он возвращался из школы с Карлом, Даниэлем и Мартином, за этими столиками обычно сидели люди, они пили пенные напитки и громко смеялись. Бруно всегда думал, что люди за столиками очень странно себя ведут: о чем бы ни шла речь, кто-нибудь обязательно смеялся. Новый же дом выглядел так, будто в стенах его никогда не раздавался смех; нечему тут было смеяться и нечему радоваться.

– По-моему, зря мы сюда приехали, – заявил Бруно спустя несколько часов по прибытии.

Мария в это время распаковывала его чемоданы, поэтому Бруно торчал в комнате матери. (Обнаружилось, кстати, что Мария – не единственная горничная в доме; кроме нее были еще три довольно тощие женщины, которые переговаривались между собой исключительно шепотом. Вдобавок на кухне трудился какой-то старик, в чьи обязанности входило, как объяснили Бруно, чистить овощи и прислуживать хозяевам за ужином. Старик этот казался очень несчастным, но и одновременно немножко сердитым.)

– Поинтересоваться нашим мнением сочли излишним, – ответила мама, открывая коробку с шестьюдесятью четырьмя бокалами, подаренными ей бабушкой и дедушкой, когда она выходила замуж за папу. – Кое-кто решил все за нас.

Бруно не понял, что она имела в виду, поэтому притворился, будто она вовсе ничего не говорила.

– Зря мы сюда приехали, – повторил он. – По-моему, лучшее, что можно сделать, – плюнуть на все это и вернуться домой. Умному и неудача впрок, – добавил он фразу, которую недавно заучил и теперь намеревался употреблять как можно чаще.

Мама осторожно выставляла бокалы на полку.

– А я вот как скажу, – улыбнулась она, – делай хорошую мину при плохой игре.

– Ну, не знаю... – протянул Бруно. – По-моему, тебе нужно сказать папе, что ты передумала, и... Ну, если нам придется остаться здесь до вечера, поужинать и переночевать, тогда ладно, но завтра нужно встать пораньше, если мы хотим вернуться в Берлин к полднику.

Мама вздохнула.

– Бруно, почему бы тебе не пойти наверх и не помочь Марии распаковывать вещи?

– Но зачем их распаковывать, если мы только...

– Бруно, будь любезен! – повысила голос мать. Выходит, ей перебивать Бруно можно, а ему ее – ни при каких обстоятельствах. – Мы здесь, мы приехали и в обозримом будущем никуда отсюда не уедем, и не надо падать духом. Ты понял?

Что такое «обозримое будущее», Бруно не понял и сказал матери об этом.

– Это значит, что теперь мы здесь живем. Точка.

У Бруно вдруг заболел живот. Что-то нарастало у него внутри, и это что-то, когда проделает путь из самых глубин его существа во внешний мир, вынудит его либо раскричаться («с ним поступили подло, нечестно, и это большая ошибка, за которую кто-то скоро заплатит!»), либо разразиться слезами. Он не понимал, каким

образом все так сложилось. Только что он был совершенно доволен жизнью, играл дома или с тремя лучшими друзьями, скатывался вниз по перилам, вставал на цыпочки, чтобы посмотреть на весь Берлин, а теперь его засунули в холодный мерзкий дом с тремя горничными-шептуньями и старым слугой, разом несчастным и сердитым, в дом, где все бродили с таким видом, будто навсегда забыли, что такое веселье.

– Бруно, повторяю, иди наверх и займись чемоданами. Сейчас же.

Тон у мамы был неласковым, и Бруно знал: спорить бесполезно. Он повернулся и зашагал прочь. В уголках глаз закипали слезы, но он не позволит им выплеснуться наружу.

Наверху он сделал полный круг по этажу в надежде отыскать маленькую дверцу или каморку – что-нибудь, годившееся для деятельности исследователя, но не нашел ничего. На этаже было всего четыре двери, по две с каждой стороны, друг против друга. Дверь в его комнату, дверь в комнату Гретель, в комнату папы с мамой и в ванную.

– Это не дом, и никогда он им не станет, – пробормотал Бруно себе под нос, переступая порог своей новой спальни.

Его одежда была разбросана на кровати, а коробки с игрушками и книгами до сих пор стояли нетронутыми. Ясно, что Мария не умеет отличать главное от пустяков.

– Мама велела тебе помочь, – тихо произнес Бруно.

Горничная кивнула и указала на большую сумку, в которой лежали носки, майки и трусы:

– Когда разберешься с этим, можешь сложить все вон в те ящики.

Бруно проследил за ее взглядом. У противоположной стены стоял уродливый комод рядом с зеркалом, покрытым пылью.

Со вздохом Бруно открыл сумку, она была доверху набита его бельем. Как бы ему хотелось забраться в нее, свернуться калачиком и уснуть, а проснувшись, вылезти из сумки уже в Берлине, в своем родном доме.

– Что ты обо всем этом думаешь, Мария? – спросил он после долгой паузы. Мария всегда ему нравилась, он считал ее членом семьи, хотя папа говорил, что это всего лишь горничная и к тому же она им дорого обходится.

– О чем – обо всем?

– Ну об этом. – Бруно слегка удивился ее непонятливости. – О том, что мы приехали в такое место. Тебе не кажется, что мы совершили большую ошибку?

– Не мне судить, – уклонилась от ответа Мария. – Мама ведь рассказывала тебе о папиной работе и...

– Ох, да надоело мне слушать про папину работу, – не выдержал Бруно. – Все только про нее и говорят: папина работа то, папина работа се. А я думаю, что если из-за папиной работы мы должны бросить наш старый дом с перилами и трех моих верных друзей на всю жизнь, то лучше бы папе задуматься, а зачем ему такая работа. Разве я не прав?

В этот момент в коридоре что-то заскрипело. Высунувшись в коридор и увидев, что дверь в папину с мамой комнату чуть-чуть приоткрылась, Бруно замер, не смея пошевелиться. Мама была по-прежнему внизу, лихорадочно соображал он, значит, в комнате находится отец. А вдруг он слышал все, что Бруно только что наговорил? Мальчик смотрел на дверь едва дыша: вот сейчас из нее выйдет отец и отведет его вниз для серьезной беседы.

Дверь открылась пошире, и Бруно сделал шаг назад, когда из проема появился человек. Нет, это не его папа. Незнакомец был намного моложе отца и в придачу ниже ростом, но на нем была такая же форма, только без многочисленных наградных планок. Лицо у молодого военного было очень строгим, фуражка сидела на его голове как влитая, виднелись лишь виски, и по ним Бруно определил, что волосы у незнакомца какого-то неестественно желтого цвета. В руках он нес коробку и направлялся к лестнице, но, заметив Бруно, наблюдавшего за ним, на секунду остановился и оглядел мальчика с ног до головы с таким выражением лица, будто

впервые в жизни видел ребенка и не совсем понимал, что с ним делать: съесть или равнодушно пройти мимо, а может, спустить пинком с лестницы. Так ничего и не предприняв, желтоволосый коротко кивнул Бруно и отправился дальше.

– Кто это? – спросил Бруно. Молодой военный выглядел таким строгим и деловитым – наверняка он здесь важная шишка.

– Один из папиных подчиненных, наверное, – ответила Мария. При появлении незнакомца она выпрямилась во весь рост и сложила руки, как для молитвы, но смотрела в пол, а не на человека в форме, словно боялась, что обратится в камень, если глянет ему прямо в глаза. Спину она расслабила, лишь когда военный удалился. – Думаю, скоро мы узнаем, кто он такой.

– Он мне не нравится, – сморщил нос Бруно. – Очень уж строгий.

– Твой папа тоже очень строгий, – заметила Мария.

– Да, но это папа, – возразил Бруно. – Папам полагается строгость. И неважно, кто они, зеленщики, учителя, повара или коменданты. – Он перечислил все те профессии, над названиями которых размышлял тысячу раз и которые считал подходящими приличным, уважаемым отцам. – А этот человек совсем не похож на отца. Хотя он и строгий, это точно.

– Ну, у них такая работа, без строгости им не обойтись, – отозвалась Мария. – По крайней мере, они так думают. Но на твоём месте я бы держалась от военных подальше.

– А на что они еще годятся? – уныло произнес Бруно. – Очень сомневаюсь, что здесь отыщется кто-нибудь, кроме Гретель, с кем можно поиграть. Но Гретель не в счет, моя сестра – безнадежный случай. – Он почувствовал, что опять вот-вот разревется, но сдержался, не желая выглядеть плаксой в глазах Марии.

Бруно осмотрелся исподлобья, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь интересное. Ничего. Пусто. Да и откуда здесь взяться интересному?! Внезапно кое-что привлекло его внимание. В углу комнаты, напротив двери, находилось окно. Начиналось оно от потолка, как и окно на верхнем этаже в их берлинском доме, но

заканчивалось много ниже. Даже не придется вставать на цыпочки, чтобы выглянуть на улицу.

Он медленно двинулся к окну. А вдруг удастся увидеть Берлин, и свой дом, и соседние улицы, и столики, за которыми сидят люди, пьют пенные напитки и рассказывают друг другу смешные истории? Бруно ступал не торопясь, боясь разочарования. Но в комнате маленького мальчика не может быть огромных расстояний, и путь от двери до окна завершился, стоило Бруно прижаться лицом к стеклу. Он выглянул наружу. На этот раз, когда его глаза расширились, а рот сложился буквой О, руки не раздвинулись в стороны, но вытянулись вдоль тела, потому что Бруно вдруг стало очень холодно и страшно.

Глава третья

Безнадежный случай

Бруно был убежден: зря они не оставили Гретель в Берлине приглядывать за домом, ведь от сестры добра не жди. И похоже, он был не одинок в своем мнении. Бруно не раз слышал, как Гретель называли «сплошным мучением с самой колыбели».

Гретель была на три года старше Бруно, и сколько он себя помнил, она все время поучала его, а в событиях, касавшихся их обоих, норовила играть главную роль. Бруно не хотелось сознаваться в том, что он боится сестры, но если быть честным с самим собой – к чему он всегда стремился, – невозможно отрицать: немножко побаивается.

Гретель славилась противными привычками, впрочем, обычными для сестер. Например, она слишком много времени проводила в ванной по утрам, и, сдается, ей было плевать, что Бруно стоит за дверью, переминается с ноги на ногу, а его терпение на исходе.

У Гретель была огромная коллекция кукол, расставленных и рассаженных по всей комнате. Куклы впивались в Бруно глазами, стоило ему зайти к сестре, и пристально следили за ним, что бы он ни делал. Он не сомневался: займись он исследованиями в комнате сестры, пока ее нет дома, они непременно нажаловались бы своей хозяйке. Подружки у сестры тоже были противные. Они прямо-таки обожали потешаться над младшим братом Гретель; разумеется, будь Бруно на три года старше, он бы себе такого никогда не позволил. Эти противные подружки не знали в жизни большей радости, чем мучить Бруно и говорить ему гадости, когда мамы или Марии не было поблизости.

– Бруно не девять лет, ему только шесть, – распевало одно самое приставучее чудище, выплясывая вокруг него и тыча пальцем под ребра.

– Мне не шесть, а девять, – протестовал Бруно, пытаясь вырваться.
– Тогда почему ты такой маленький? – спрашивало чудище. – Все, кому девять лет, выше тебя.

Это было правдой и незаживающей раной Бруно. Его постоянно мучило, что он не такой же высокий, как другие мальчики в его классе. На самом деле он доставал им только до плеча. Когда он шел по улице вместе с Карлом, Даниэлем и Мартином, прохожие иногда принимали его за их младшего брата, хотя он был вторым по старшинству.

– Значит, тебе только шесть, – не унималось чудище, и Бруно убегал и принимался растягивать позвоночник – в надежде, что однажды утром он проснется и окажется длиннее сантиметров на двадцать, а то и на все пятьдесят.

Откровенно говоря, в отъезде из Берлина кое-что хорошее все же было: противные чудища остались там. Возможно, если его вынудят задержаться в новом доме на какой-то срок, пусть даже на месяц, он за это время подрастет, и тогда они уже не смогут над ним издеваться. Неплохая мысль, и не стоит о ней забывать, если он хочет последовать совету мамы и сделать хорошую мину при плохой игре.

Он вбежал в комнату Гретель, не постучав, она как раз размещала свой кукольный народ по полкам.

– Что ты тут делаешь? – закричала она, оборачиваясь к брату. – Разве не знаешь, что в комнату к даме не входят без стука?

– Ты что, привезла с собой все куклы до единой? – изумился Бруно. Он выработал привычку игнорировать вопросы сестры, а вместо ответа задавать свои собственные.

– Конечно, – дернула плечом Гретель. – А ты думал, я оставлю их дома? Только этого не хватало, ведь неизвестно, когда мы туда вернемся. Не раньше чем через неделю или две.

– Две недели? – огорченно переспросил Бруно, но в глубине души даже обрадовался, ведь он-то уже смирился с мыслью провести здесь не меньше месяца. – Ты правда так думаешь?

– Ну, я спросила папу, и он сказал, что в обозримом будущем наш дом – здесь.

– А когда закончится это обозримое будущее? – поинтересовался Бруно, усаживаясь на кровать сестры.

– Через пару недель, считая с сегодняшнего дня, – учительским тоном пояснила Гретель. – Самое большее недели через три.

– Тогда ладно, я согласен на обозримое будущее, лишь бы не целый месяц. Здесь отвратительно.

Гретель взглянула на младшего брата – впервые в жизни ей не хотелось с ним спорить.

– Я тебя понимаю, – сказала она. – Это не самое приятное место на свете.

– Жуткое, – подтвердил Бруно.

– В общем, да, – кивнула Гретель. – Сейчас здесь ужас что творится. Но как только дом приведут в порядок, уверена, все станет посимпатичнее. Папа сказал, что тех, кто жил в Аж-Выси до нас, быстро уволили и они не успели привести дом в подобающий вид.

– Аж-Высь? – повторил Бруно. – Что это значит?

– Ничего особенного, – пожала плечами Гретель. – Просто Аж-Высь.

– Нет, это же должно что-то значить? – настаивал Бруно. – В какую высь? И почему «аж»?

– Так называется наш новый дом, – отрезала Гретель. – Аж-Высь.

Бруно задумался. Он не заметил, чтобы на улице стоял щит с названием дома, и над входом тоже ничего написано не было. Их дом в Берлине никак не назывался, просто «номер четыре».

– Но что это значит? – Бруно потихоньку начал злиться. – Аж-Высь?

– Может быть, это связано с теми людьми, что жили тут до нас, – рассуждала Гретель. – Они плохо себя показали, и начальство так рассердилось, что аж вышвырнуло их из дома пинком, и они полетели вверх тормашками – высоко-высоко! А на их место назначили человека, который умеет хорошо делать свое дело.

– То есть папу.

– Ну конечно.

Гретель всегда говорила об отце так, будто он не способен поступить неправильно. Папа же всегда добр к ней и каждый вечер, перед тем как она отправится спать, целует дочку, желая спокойной ночи. Не будь Бруно так сильно расстроен всем тем, что случилось с ним за день, он был бы справедливее к отцу и вспомнил, что папа и его целует на сон грядущий.

– Выходит, мы оказались в Аж-Выси, потому что людей, которые жили здесь до нас, уволили с работы?

– Именно, Бруно. А теперь встань с моего покрывала, а то запачкаешь.

Бруно вскочил и с грохотом приземлился на ковре. Звук, который он произвел, ему не понравился. Он был очень гулкий, и Бруно решил впредь поменьше прыгать в доме: как бы это строение не развалилось, обрушившись им на головы.

– Мне здесь не нравится, – в сотый раз произнес он.

– Знаю, – ответила Гретель. – Но мы с тобой ничего изменить не можем, верно?

– Я скучаю по Карлу, Даниэлю и Мартину, – продолжал Бруно.

– А я скучаю по Хильде, Изабель и Луизе, – подхватила Гретель, и Бруно попытался припомнить, которая из них была самым гнусным чудищем.

– И по-моему, у здешних детей не очень дружелюбный вид, – добавил Бруно.

Гретель вмиг прекратила усаживать на полке одну из своих самых злобных кукол и уставилась на брата.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что здешние дети выглядят не слишком дружелюбно.

– Какие дети? – озадаченно переспросила Гретель. – Ты о чем? Я не видела тут никаких детей.

Бруно повертел головой. Здесь тоже имелось окно, но, поскольку комната Гретель располагалась напротив комнаты Бруно, окно

выходило совсем на другую сторону. Притворяясь, будто ничего особенного не происходит, он вразвалочку направился к окну, сунув руки в карманы штанов и даже насвистывая, хотя у него то и дело перехватывало дыхание. На сестру он не обращал ни малейшего внимания.

– Бруно? – окликнула Гретель. – Что на тебя нашло? Ты рехнулся?

Бруно не остановился и не обернулся, пока не добрался до окна, которое – о счастье! – оказалось достаточно низким, чтобы он смог выглянуть на улицу. А выглянув, увидел машину, на которой они приехали, а кроме нее еще три-четыре автомобиля, принадлежавших военным, работавшим под началом отца. Несколько военных торчали во дворе, они курили, пересмеивались и время от времени с тревогой поглядывали на дом. Выезд со двора почти сразу превращался в дорогу, огибавшую лес, – вот куда бы хорошо отправиться в исследовательскую экспедицию, отметил про себя Бруно.

– Будь любезен, объясни наконец, в чем дело? – строго потребовала Гретель.

– Там лес, – сообщил Бруно.

– Бруно! – рявкнула Гретель и столь решительно направилась к брату, что Бруно, отскочив от окна, прижался спиной к стене.

– Что? – спросил он, притворяясь, будто не понимает, о чем идет речь.

– Местные дети, – напомнила Гретель. – Ты сказал, что они не слишком дружелюбны.

– Ну, они такими кажутся. – Бруно не хотелось до личного знакомства со здешними ребятами судить их по внешнему виду; мама не раз предостерегала его от этого.

– Откуда здесь дети? – допытывалась Гретель. – Где они?

Бруно улыбнулся и двинулся к двери, делая знак Гретель следовать за ним. Сестра испустила глубокий вздох, но приглашение приняла. На миг она задержалась у кровати, чтобы положить на нее куклу, но передумала. В комнату брата она вошла, прижимая куклу к груди, но

тут ее едва не сбила с ног Мария – горничная выбежала из комнаты, держа в руке нечто, сильно смахивавшее надохлую мышь.

– Вон там. – Бурно уже стоял у окна. Он даже не позаботился проверить, рядом ли Гретель, настолько был поглощен разглядыванием детей. На какое-то время он напрочь позабыл о сестре.

Гретель вовсе не спешила к окну, хотя ей ужасно хотелось убедиться в правоте брата либо уличить его во лжи. Но что-то в его голосе и в том, как он смотрел в окно, встревожило ее. Бруно еще ни разу не удалось обмануть сестру, и она была почти уверена, что и сейчас он не водит ее за нос, но, глядя на Бруно, она вдруг почувствовала, что сама не знает, хочет ли на самом деле увидеть этих детей. Нервно сглотнув, она помолилась про себя: пусть Господь вернет их в Берлин сразу же, как только обозримое будущее превратится в обычное настоящее, а не через месяц, как считает Бруно.

– Ну что же ты? – Бруно обернулся. Сестра стояла в дверях, вцепившись в куклу, золотистые косы Гретель понуро спускались на плечи – самое время дернуть за них. – Не хочешь посмотреть?

– Конечно, хочу. – Гретель неуверенно шагнула к окну. – Отойди, загораживаешь, – приказала она, локтем отпихивая брата.

Их первый день в Аж-Выси выдался теплым и погожим. В тот момент, когда Гретель приблизилась к окну, из-за облака вынырнуло солнце, но скоро глаза привыкли к свету, да и солнце опять скрылось, и Гретель увидела именно то, о чем говорил Бруно.

Глава четвертая

Что они увидели в окно

Правда, там были вовсе не дети. По крайней мере, не только они. Маленькие мальчики и рослые парни, отцы и дедушки и наверняка дядюшки с двоюродными братьями. А еще люди совсем без родственников, которые бродили сами по себе, путаясь у всех под ногами. Словом, кого там только не было.

– Кто это? – выдохнула Гретель. Настал ее черед таращить глаза и складывать губы буквой О. – И что это за место?

– Точно не знаю, – ответил Бруно, чувствуя, что фантазиям сейчас не время. – Но здесь не так хорошо, как дома. В чем, в чем, а в этом я уверен.

– А где девочки? – продолжала удивляться Гретель. – И мамы? И бабушки?

– Может, они живут где-нибудь подальше, – предположил Бруно.

Гретель кивнула. Больше всего ей хотелось отвернуться от окна, но зрелище словно заворожило. Из своего окна она видела только лес, слегка мрачноватый, но вполне пригодный для пикников, если, конечно, в нем отыщется поляна неподалеку. Но с этой стороны дома открывался совершенно другой вид.

Впрочем, начиналось все довольно мило. Прямо под окном был разбит большой сад, полный цветов. Они росли ровными рядами, и за ними явно хорошо ухаживали, будто понимали, что выращивать цветы в таком месте – доброе дело, как выставлять горящую свечу под карнизом замка, когда на окружающие топи опускается темная зимняя ночь.

За цветочными грядками пролегла асфальтированная дорожка с деревянной скамейкой – тут, наверное, хорошо сидеть, греясь на солнышке и читая книгу. К спинке скамейки крепилась табличка, но с такого расстояния Гретель не удалось прочесть, что на ней

написано. Скамейка была повернута к дому, что выглядело бы довольно странно, если бы не привходящие обстоятельства, – Гретель сразу сообразила, почему скамью расположили именно так.

Метрах в десяти от сада, цветов и скамейки с табличкой обстановка резко менялась. Параллельно дому тянулась мощная ограда из проволоки, изгибаясь с обеих сторон и уходя куда-то вдаль, так далеко, что невозможно было различить, где она заканчивается. Ограда была очень высокая, даже выше, чем дом, и держалась на деревянных столбах, напоминавших телеграфные. Поверху она была утыкана огромными мотками колючей проволоки, закрученной в спирали, и Гретель, глядя на острые шипы, торчавшие повсюду, почувствовала вдруг, как у нее что-то защемило внутри.

За оградой травы не было, и вообще никакой зелени на обозримом пространстве не наблюдалось. Кругом простирался грязный песок, и сколько Гретель ни напрягала зрение, она не увидела ничего, кроме низеньких домишек, каких-то длинных строений, похожих на склад, и нескольких зданий с печными трубами в отдалении. Она открыла рот, намереваясь высказаться, но поняла, что ей не хватает слов, чтобы описать свое изумление, поэтому, не придумав ничего более разумного, просто закрыла рот.

– Ну как? – Бруно, внимательно наблюдавший за сестрой, чувствовал себя победителем. Что бы там ни было – и кем бы ни оказались эти люди, – он увидел все это первым и может смотреть на это, когда захочет, часами, потому что вид на проволочную ограду и все то, что за ней, открывается из его комнаты, а не из комнаты сестры, а значит, принадлежит ему и только ему. Он здесь король, Гретель же – его вассал.

– Ничего не понимаю, – ответила Гретель. – Зачем кому-то понадобилось строить такие отвратительные здания?

– Отвратительные, да, – согласился Бруно. – По-моему, в этих домишках не больше одного этажа. Посмотри, какие они низенькие.

– Наверное, это современные дома, – предположила Гретель. – Папа ненавидит все современное.

– Тогда они ему не понравятся, – заметил Бруно.

– Нет.

Гретель по-прежнему стояла у окна не шевелясь. Ей было двенадцать лет, ее считали одной из самых умных девочек в классе, поэтому, поджав губы и прищурившись, она приказала голове сообразить, на что же смотрит ее хозяйка. Голова выдала лишь одно-единственное объяснение.

– Думаю, это деревня, – объявила Гретель, с торжествующим видом оборачиваясь к брату.

– Деревня?

– Да, ничего иного быть не может. Как ты не понимаешь, дома, в Берлине, мы живем в городе. Вот почему там так много людей, домов и школы забиты детьми, а в субботу днем, когда идешь по центру города, на улицах страшная толкотня.

– М-м... – промычал Бруно, стараясь вникнуть в ее слова.

– Но на уроке географии нам рассказывали, что в деревне, где обитают крестьяне и животные и где выращивают продукты, существуют бескрайние пространства, вроде того, что мы видим за окном. Люди там живут, работают и посылают нам продукты. – Она опять поглядела в окно на бескрайнее пространство, расстилавшееся перед ними, на дома, отделенные изрядным расстоянием друг от друга. – Точно. Это деревня. А это наш загородный дом, – с воодушевлением добавила она.

Поразмыслив, Бруно покачал головой.

– Нет, не деревня, – твердо произнес он.

– Тебе всего лишь *девять*, – парировала Гретель. – Откуда тебе знать? Вот когда дорастешь до моих лет, научишься лучше разбираться в том, что происходит вокруг.

– Может, и так, – уклончиво отозвался Бруно. Гретель старше, и с этим он не спорил, но категорически отказывался принимать на веру любое утверждение сестры. – Если мы в деревне, как ты говоришь, то где животные? Или ты про них забыла?

Гретель опять открыла рот, но подходящего ответа не нашлось, поэтому она снова уставилась в окно, выискивая за оградой животных, но их там не обнаружилось.

– У них должны быть коровы, и свиньи, и овцы, и лошади, – подсказывал Бруно. – То есть если эти люди – крестьяне. Не говоря уж о курах и утках.

– Но их тут нет, – тихо констатировала Гретель.

– А если они выращивают еду, – продолжал Бруно, в кои-то веки наслаждаясь беседой с сестрой, – тогда и земля у них должна быть другой. Что можно вырастить в такой грязи?

Бросив взгляд в окно, Гретель кивнула. Не дурочка же она какая-нибудь, чтобы *всегда* настаивать на своей правоте, особенно когда факты явно против нее.

– Значит, это не крестьянское хозяйство, – сказала она.

– Нет, – подхватил Бруно.

– Следовательно, это не может быть деревней, – развивала мысль Гретель.

– Нет, не может.

– И получается, что это, скорее всего, не наш загородный дом, – заключила Гретель.

– Скорее всего, нет, – подвел итог Бруно.

Он опустился на кровать, и на миг ему захотелось, чтобы Гретель села рядом, обняла его и сказала, что все будет хорошо, что рано или поздно они полюбят это место и забудут думать про Берлин. Но сестра все еще смотрела в окно, и на этот раз не на цветы, и не на асфальтированную дорожку, и не на скамейку с табличкой, и даже не на высокую ограду с телеграфными столбами и мотками колючей проволоки, и не на бескрайнее пространство за оградой с домишками, длинными зданиями и печными трубами, – она смотрела на людей.

– Кто эти люди? – произнесла она очень тихо, словно задавала вопрос не брату, но кому-то другому. – И что они там делают?

Бруно поднялся, и впервые они встали вместе у окна, плечом к плечу, пристально глядя на то, что происходило не более чем в двадцати метрах от их нового дома.

Всюду, куда ни бросишь взгляд, были люди – большие, маленькие, старые, молодые, – и все они как-то суетливо передвигались. Правда, некоторые, сбившись в группы, стояли совершенно неподвижно, вытянув руки по швам и стараясь держать голову прямо, а мимо них вышагивал солдат, открывая рот и мгновенно закрывая, словно он кричал им что-то. Другие, образуя нечто вроде цепочки, толкали перед собой тачки; они появлялись со своими тачками неведомо откуда, потом сворачивали за угол какого-нибудь строения и опять пропадали из виду. Перед домишками отирались горстки людей, они не разговаривали друг с другом, но смотрели себе под ноги, словно играли в какую-то игру и не желали, чтобы их застукали за этим занятием. Попадались люди на костылях, а еще больше с повязками на голове. Некоторые шли строем с лопатами в руках, и вели их солдаты, но куда они направлялись, невозможно было определить.

Перед Бруно и Гретель копошились сотни людей, но дети могли охватить взглядом лишь небольшую часть домишек, пространство же за оградой простиралось так далеко, теряясь в туманной дымке, что, возможно, людей там было не сотни, а тысячи.

– И все они живут прямо у нас под боком, – нахмурилась Гретель. – В Берлине на нашей милой тихой улочке всего-навсего шесть домов. А здесь их не сосчитать. И зачем папа перевелся на новую работу в таком противном месте, где вдобавок полно соседей? Ума не приложу.

– Глянь вон туда.

Гретель посмотрела туда, куда указывал пальцем брат, и увидела группу детей, которые выходили из домика, стоявшего в отдалении. Дети жались друг к другу, на них кричали солдаты. И чем больше на них кричали, тем теснее они прижимались к товарищам, но затем один из солдат бросился к ним, и они отцепились друг от друга,

наконец сделав то, чего, похоже, от них добивались, – выстроились в ряд. После чего солдаты начали смеяться и аплодировать.

– Наверное, это репетиция, – догадалась Гретель, игнорируя то обстоятельство, что кое-кто из детей, даже те, что постарше, даже такие же взрослые, как она сама, похоже, плакали.

– Я же говорил, что тут есть дети, – сказал Бруно.

– Но не такие, с кем я захочу играть, – решительно объявила сестра. – Они грязнули. Хильда, Изабель и Луиза принимают ванну каждое утро, как и я. А эти дети выглядят так, будто никогда в жизни не мылись в ванне.

– Там и вправду очень грязно, – заметил Бруно. – Но может быть, у них нет ванн?

– Какой же ты дурак! – воскликнула Гретель, хотя ей постоянно твердили, что нельзя называть брата «дураком». – Что это за люди, у которых нет ванн?

– Не знаю, – задумался Бруно. – Это люди, у которых нет горячей воды!

Гретель еще несколько секунд смотрела в окно, потом передернула плечами и отвернулась.

– Я возвращаюсь к себе рассказывать кукол. Из моей комнаты вид несравненно приятнее.

С этими словами она удалилась, пересекла коридор, вошла в свою комнату, закрыла за собой дверь, но не взялась сразу же за кукол. Вместо этого Гретель села на кровать, и множество самых разных мыслей промелькнуло в ее голове.

А брат ее напоследок задумался вот о чем. Наблюдая за сотнями людей, занятых своим делом, он отметил, что все они – маленькие мальчики, рослые парни, отцы, дедушки, дядюшки и одиночки, бродившие сами по себе с таким потеряннным видом, будто у них не было никаких родственников, – все они одеты совершенно одинаково: серая полосатая пижама и серая полосатая шапочка на голове.

– Очень странно, – пробормотал Бруно, прежде чем отойти от окна.

Глава пятая

Вход воспрещен в любое время суток и заруби себе на носу

Поговорить с отцом – иного выхода не было.

Утром из Берлина они выехали без папы. Он покинул дом раньше, вечером того дня, когда Бруно, вернувшись из школы, застал Марию, рывшуюся в его вещах, даже в тех, что были запрятаны в самую глубину шкафа, чтобы никто не вздумал к ним прикасаться. В последующие дни мама, Гретель, Мария, повариха, Ларс и Бруно только и делали, что набивали коробки и составляли их в большой грузовик, который должен был отвезти багаж в Аж-Высь.

Утром, накануне отъезда из Берлина, когда дом опустел и совсем не походил на настоящий дом, когда все до единой вещички, принадлежавшие им, были упакованы в чемоданы, коробки и сундуки, перед их дверью затормозила служебная машина с красно-черными флажками.

Мама, Мария и Бруно последними выходили из дома, и тут Бруно смекнул, что мама не замечает присутствия горничной, потому что, обведя глазами на прощанье голые стены прихожей, той самой прихожей, где с ними происходило столько всего веселого и интересного, где в декабре ставили рождественскую елку, где зимой сушили зонтики на подставке, где Бруно был обязан оставлять свои грязные ботинки, чего он сроду не делал, – мама, обведя глазами прихожую, покачала головой и произнесла нечто странное.

– Не надо было устраивать обед в честь Фурора. Ох уж эти кое-кто, которым неймется пробиться наверх.

Произнеся эти слова, мама обернулась – Бруно заметил слезы в ее глазах – и вздрогнула, обнаружив в прихожей горничную, пристально смотревшую на нее.

– Мария! – изумилась мама. – Я думала, ты в машине.

– Уже выхожу, – ответила Мария.

– Я не то хотела... – снова заговорила мама, но осеклась, тряхнула головой и начала сначала: – Я не то имела в виду...

– Уже выхожу, – повторила горничная, которая, очевидно, не знала правила, запрещавшего перебивать маму. Торопливо переступив порог, она побежала к машине.

Мама наморщила лоб, а потом вскинула голову и пожала плечами, словно случившееся уже не имело никакого значения.

– Что ж, Бруно, идем. – Она взяла сына за руку и заперла входную дверь. – Будем надеяться, что настанет день, когда все это закончится и мы снова вернемся сюда.

Служебная машина с флажками отвезла их на вокзал, где на двух путях, разделенных широкой платформой, стояли поезда в ожидании пассажиров. По платформе непрерывно маршировали солдаты, а вдобавок неподалеку находилась будка стрелочника, следившего за путями, поэтому Бруно обратил внимание на толпу людей, осаждавших поезд напротив, лишь когда вместе с родными забирался в вагон. В их вагоне было очень уютно, просторно и полно свободных мест, а когда опустили окна, в вагоне повеяло свежим дуновением ветерка. Если бы поезда шли в разных направлениях, недоумевал Бруно, в толпе напротив не было ничего удивительного, но оба поезда были нацелены головой на восток. Бруно уже собрался выскочить на платформу и рассказать тем людям о свободных местах в их вагоне, но одернул себя: что-то подсказывало ему, что если мама не рассердится, то Гретель уж наверняка разъярится, а это было бы еще хуже.

После прибытия в Аж-Вись, в их новый дом, Бруно еще не видел отца. Сперва, когда заскрипела дверь в комнату отца, Бруно подумал, что папа у себя, но оказалось, что там никого нет, кроме строгого молодого солдата, смерившего Бруно взглядом, лишенным всякой теплоты. Нигде не было слышно раскатистого отцовского голоса, ниоткуда не доносился тяжелый стук его сапог по половицам. Правда, по дому все время сновали какие-то люди, и пока Бруно

рассуждал сам с собой, как же ему лучше всего поступить, он услышал непонятный шум внизу, вышел в коридор и перегнулся через перила.

Внизу дверь в кабинет отца стояла открытой, а перед ней толпилось пятеро мужчин, они смеялись и пожимали друг другу руки. Центром этой компании был отец, в свежееотутюженной форме он выглядел очень здорово. Его густые темные волосы, явно набрильянтированные, лежали волосок к волоску, и Бруно, глядя на отца сверху, испытывал одновременно страх и восхищение. Другие мужчины понравились ему куда меньше. Они были далеко не так красивы, как отец, и голоса у них не звучали так раскатисто, и сапоги не блестели. Все они держали фуражки в согнутой руке и, казалось, соревновались за внимание отца. Стоя на площадке второго этажа, Бруно из их разговора смог разобрать лишь несколько фраз.

– ...Ошибался с самого начала, с первого же дня. Дошло до того, что Фурору ничего не оставалось, как... – сказал один.

– ...Дисциплина! – восклицал другой. – И эффективность. С сорок второго года нам недостает эффективности, а без этого...

– ...Цифры ясно свидетельствуют... Абсолютно ясно, господин комендант, – бубнил третий.

– ...А если мы построим еще один, – размечтался четвертый, – мы сможем многого добиться... только представьте себе!

Отец поднял руку, и этот жест немедленно заставил всю компанию умолкнуть, словно отец дирижировал любительским оркестром.

– Господа. – На этот раз Бруно расслышал каждое слово, потому что не рождался еще на свет человек, которого было бы так же хорошо слышно везде и всюду – пусть даже на другом конце дома, – как его папу. – Я очень ценю ваши предложения и поддержку. И что было, то прошло. Мы с вами начинаем почти с чистого листа и начинаем прямо с завтрашнего утра, проволочки нам ни к чему. А пока я, пожалуй, помогу родным устроиться на новом месте, иначе у меня возникнет столько же проблем дома, сколько у них за его пределами. Вы меня понимаете?

Мужчины расхохотались и принялись трясти папину руку. На прощанье они выстроились в ряд, напомним Бруно оловянных солдатиков, и их руки взметнулись в том самом приветствии, которому отец учил сына: резко поднять вверх раскрытую ладонь с прижатым большим пальцем и прокричать два слова. Бруно знал, что, когда к тебе обращаются с этими словами, нужно отвечать тем же, – отец и этому его научил. Потом гости ушли, а папа вернулся к себе в кабинет, куда для Бруно «вход был воспрещен круглые сутки и заруби себе на носу».

Медленно спустившись по лестнице, Бруно застыл в нерешительности перед дверью в кабинет. Ему было грустно оттого, что за все время, что они здесь находятся, отец не пришел к нему поздороваться. Такое и раньше бывало, и тогда Бруно говорили, что папа очень занят и его нельзя беспокоить всякими глупостями вроде желания поздороваться. Но теперь, когда военные ушли, Бруно подумал, что ничего страшного не произойдет, если он постучится в дверь.

В Берлине его допускали в кабинет отца всего два-три за всю жизнь, и обычно причиной тому было его дурное поведение, а следовательно, и настоятельная необходимость серьезно с ним поговорить. Правило, касавшееся кабинета отца, было одним из самых важных правил, усвоенных Бруно, и он был не настолько глуп, чтобы вообразить, будто в Аж-Выси оно не действует. Но поскольку он не видел отца уже почти неделю, Бруно решил, что никто не станет возражать, если он постучится.

Он осторожно стукнул в дверь. Дважды и очень тихо.

Либо отец не услышал, либо стук прозвучал недостаточно громко, но дверь Бруно не открыли. Тогда он стукнул погромче, и сразу же из кабинета донесся раскатистый голос: «Войдите!»

Бруно повернул дверную ручку, переступил порог и замер в привычной позе: глаза широко раскрыты, рот сложен буквой О, руки разведены. Во всем остальном доме было темновато, мрачновато и совершенно нечего исследовать, но только не в этой комнате.

Прежде всего, здесь был высокий потолок, а в ковре, лежавшем на полу, Бруно мог бы утонуть. Стен почти не было видно, их заслоняли темные полки красного дерева, заставленные книгами, точно как в библиотеке их берлинского дома. Стены напротив, можно сказать, и не существовало вовсе, вместо нее зияли два огромных окна, выходивших в сад, – вот где, наверное, хорошо сидеть, погрузившись в кресло, и любоваться видом. А посреди всего этого за массивным дубовым столом восседал отец. Когда Бруно вошел, он оторвался от бумаг и широко улыбнулся.

– Бруно. – Отец встал из-за стола и по-мужски пожал сыну руку. Папа был не из тех, кто обнимается, не то что мама или бабушка, которые тискали Бруно даже слишком часто, немного смущая мальчика и в придачу сопровождая объятия слюнявыми поцелуями. – Сынок, – добавил отец, помолчав.

– Здравствуй, папа, – тихо поздоровался Бруно, сраженный великолепием комнаты.

– Я как раз собирался подняться к тебе, честное слово, – сказал отец. – Мне надо было лишь закончить совещание и написать письмо. Как вы добрались?

– Хорошо, папа.

– Ты помогал маме и сестре собирать вещи?

– Да, папа.

– Тогда я горжусь тобой, – одобрительно произнес отец. – Присаживайся, не стесняйся.

Он указал на просторное кресло перед письменным столом, и когда Бруно забрался в него, его ноги слегка не доставали до пола. Отец же, вернувшись на свое место, воззрился на сына. Оба молчали. Первым тишину нарушил отец:

– Итак, что ты думаешь?

– Что я думаю? – переспросил Бруно. – О чем?

– О твоём новом доме. Он тебе нравится?

– Нет, – поторопился ответить Бруно. Замешкайся он хоть на секундочку, и у него не хватило бы смелости сказать то, что он на

самом деле думает. – По-моему, нам нужно вернуться домой, – отважно закончил он.

Отец по-прежнему улыбался; правда, может быть, уже не столь широко. Он опустил глаза на бумаги, лежавшие перед ним на письменном столе, словно хотел собраться с мыслями, прежде чем продолжить разговор, но очень скоро опять посмотрел на сына.

– Но мы дома, Бруно, – мягко произнес он. – Аж-Высь и есть наш новый дом.

– А когда мы сможем вернуться в Берлин? – От слов отца у Бруно сжалось сердце. – Там намного лучше.

– Ну, ну. – Отец явно не желал обсуждать возвращение в Берлин. – Давай не будем это обсуждать. Ведь дом – не просто улица, или город, или даже здание, сложенное из кирпичей и извести. Дом там, где находится твоя семья, верно?

– Да, но...

– А наша семья здесь, в Аж-Выси. Ergo, это наш дом.

Бруно не знал, что означает ergo, но ему и не нужно было знать, потому что он уже сообразил, как по-умному ответить отцу.

– Но дедушка и бабушка остались в Берлине, – сказал он. – А они ведь тоже наша семья. Значит, это не может быть нашим домом.

Отец задумался, склонив голову набок. Прошло немало времени, прежде чем он снова заговорил.

– Да, Бруно, это так. Но ты, я, мама и Гретель – самые важные люди в нашей семье. И мы четверо отныне живем здесь, в Аж-Выси... И не надо так расстраиваться! (Вид у Бруно был и впрямь очень расстроенный.) Ты даже не успел осмотреться вокруг. Весьма вероятно, что тебе здесь понравится.

– Не понравится, – угрюмо ответил Бруно.

– Послушай... – В голосе отца послышались усталые нотки.

– Карла здесь нет, и Даниэля, и Мартина, и никаких других домов поблизости, и лотков с овощами и фруктами, нет улиц и кафе со столиками на тротуаре, и некому беспрерывно толкать тебя в субботний день.

– Бруно, иногда жизненные обстоятельства не оставляют нам выбора, вынуждая делать то, что нам, возможно, не по душе. – Бруно понял, что их разговор начинает надоедать отцу. – И боюсь, мы оказались именно в таких обстоятельствах. У меня новая работа. Важная работа. Важная для нашей страны. Важная для Фурора. Когда-нибудь ты поймешь.

– Я хочу домой. – Бруно почувствовал, как на глаза набегают слезы. Он хотел лишь одного: чтобы отец уразумел наконец, как ужасен этот Аж-Высь, и согласился уехать отсюда сейчас же и навсегда.

– Ты должен понять, что здесь мы *дома*, – к разочарованию Бруно, ответил отец. – И в обозримом будущем ничего иного не предвидится.

На мгновение Бруно закрыл глаза. В жизни ему не часто случалось так упорно настаивать на своем, и, уж конечно, он еще никогда не являлся к отцу с намерением уговорить его изменить свое решение, но мысль о том, чтобы остаться здесь, чтобы жить в этом жутком месте, где не с кем даже играть, была слишком невыносима. Когда он открыл глаза, отец сидел в кресле рядом с ним – Бруно не слышал, как он встал из-за стола. Мальчик наблюдал, как его папа открывает серебряный портсигар, достает сигарету и разминает в пальцах, прежде чем закурить.

– Помню, когда я был маленьким, – сказал отец, – мне не хотелось делать некоторые вещи, но когда отец говорил, что всем будет лучше, если я это сделаю, я собирался с духом и выполнял то, что мне велели.

– Что ты не хотел делать? – любопытно спросил Бруно.

– Ну, не знаю, – пожал плечами отец. – Да и не о том речь. Я был всего лишь ребенком и не понимал, что пойдет мне во благо, а что во вред. Иногда, к примеру, я не хотел сидеть дома и делать уроки. Я рвался на улицу играть с друзьями, вот как ты сейчас, а теперь, оглядываясь назад, я вижу, насколько был глуп.

– Значит, ты понимаешь, каково мне. – В душе Бруно затеплилась надежда.

– Да, но я также понимаю моего отца, твоего дедушку. Ему было лучше знать, что будет для меня полезнее, и если я поступал так, как он считал нужным, сразу становилось так легко на душе. Неужто ты полагаешь, что я добился бы успеха в жизни, не научись я твердо различать, когда требуется отстаивать свою точку зрения, а когда – помалкивать и выполнять приказы? А, Бруно?

Бруно огляделся. Его взгляд упал на угловое окно, и сквозь стекло он увидел тоскливый пейзаж с оградой и проволокой.

– Ты совершил какой-то промах? – спросил он после паузы. – И этим рассердил Фурора?

– Я? – Отец удивленно уставился на него. – С чего ты взял?

– Что-нибудь испортил? Знаю, все говорят, что ты важная фигура и что у Фурора на твой счет большие планы, но разве послал бы он тебя в такое место, если бы не хотел за что-то наказать?

Отец рассмеялся, и Бруно огорчился еще сильнее: ничто так не бесило его, как смех взрослых, которые потешаются над его невежеством, особенно когда он пытается выяснить что-нибудь, задавая вопросы.

– Ты не осознаешь значение моей новой должности, – сказал отец.

– Ну, я не думаю, что ты очень хорошо работал, если нам пришлось бросить наш красивый дом и наших друзей и переехать в это отвратительное место. Я думаю, что ты сделал что-то неправильное, и тебе надо пойти и попросить прощения у Фурора, и тогда, может быть, все уладится. Он простит тебя, если ты искренне раскаешься.

Бруно не успел как следует поразмыслить над тем, что он скажет отцу, но слова уже сорвались у него с языка, и теперь, когда они закачались в воздухе, его одолевали сомнения: кажется, отцам такого не говорят. Но вот они, слова, уже сказанные, и не в его силах вернуть их обратно. Бруно испуганно проглотил слюну. Отец молчал,

и спустя несколько секунд Бруно искоса взглянул на него – отец смотрел на сына с каменным выражением лица. Мальчик облизнул губы и отвернулся. Он чувствовал, что сейчас не время затевать с отцом игру в гляделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Роман издан в 45 странах на 42 языках

ДЖОН БОЙН

МАЛЬЧИК В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ

Маленький шедевр [The Guardian]

